

въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ, т.-е. «сумма людскихъ производовъ»,двигающая исторіей, состоить изъ далеко неравныхъ слагаемыхъ. На основаніи этого принципа можно было бы создать цѣлую классификацію индивидуумовъ по ихъ активному отношенію къ исторической жизни въ смыслѣ и количества дѣйствія, и его качества, т.-е., главнымъ образомъ, сознательности или безсознательности. На этотъ счетъ у гр. Толстого нѣтъ твердаго взгляда: онъ то игнорируетъ разновеликость силъ, участвующихъ въ исторіи, то становится на точку зрѣнія противоположную. «Такой же причиной (войны 1812 г.),—говорить онъ,—какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство ольденбургское, представляется чамъ и желаніе или нежеланіе первого французскаго капрала поступить на вторичную службу»,—въ этихъ словахъ гр. Толстого произволъ императора французовъ и произволъ капрала его арміи ставятся на одну доску, какъ равновеликія силы; но въ развитіи своей мысли авторъ «Войны и мира» невольно измѣняетъ самому себѣ: «ибо,—продолжаетъ онъ,—ежели бы онъ (т.-е. капраль) не захотѣлъ идти на службу, и не захотѣлъ бы и другой, и третій, и тысячный капраль и солдатъ, настолько менѣе было бы солдатъ въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть. Ежели бы *Наполеонъ* не оскорбился требованіемъ отступить за Вислу и не велѣлъ наступать войскамъ, не было бы войны; но ежели бы *все* *сержанты* не желали поступать на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть» (IV, 3). Тутъ, такимъ образомъ, уже произволу *одного* противоставляется произволу *многихъ*, и этимъ одно слагаемое «суммы производовъ» признается за нѣчто большее всѣхъ другихъ, причемъ гр. Толстой еще упускаетъ изъ виду,